

Ткаченко Борис Иванович*, кандидат экономических наук, профессор-консультант Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского (Владивосток).

Формирование государственных границ России с Японией, Китаем и США на Дальнем Востоке¹

Монография "Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века)" написана доктором исторических и филологических наук К. Е. Черевко, ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН. Она посвящена одной из мало изученных проблем истории и идеологии русской цивилизации – проблеме формирования государственных границ России, и представляет собой комплексное исследование её исторических, политических и правовых аспектов. В монографии предлагается подробный историко-географический и политический анализ изменения границ Российского государства по мере освоения им своих восточных территорий.

Автор убедительно показывает, что современные российские границы соответствуют условиям договоров и нормам международного права и являются рубежами исконных российских территорий. В работе впервые публикуется ряд уникальных архивных материалов, позволяющих опровергнуть все пограничные претензии к России со стороны государств Северо-Восточной Азии и США.

К. Черевко доказывает, что притязания Японии на Сахалин и Курильские острова как на свои исконные территории не соответствуют данным археологии, этнографии и лингвистики, из которых следует, что "Сахалин и Курильские острова, как и Приморье, Приамурье и Северная Япония, были заселены палеолитическими и мезолитическими племенами, родственными современным приамурским и сахалинским нивхам". На основании этого автор утверждает, что "исконными жителями островов Охотского моря являются представители материковой палеоазиатской культурно-этнической общности. Это значит, что концепция изначальной принадлежности островов Охотского моря проживающим в настоящее время в Японии айнам является несостоятельной, поскольку приоритет в заселении Сахалина и Курильских островов в древности принадлежит предкам современных коренных народностей российского Дальнего Востока, прежде всего нивхам"².

* boristkachenko@inbox.ru.

¹ Рецензия на книгу: *Черевко К. Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века) / К. Е. Черевко ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. 688 с.

² *Черевко К. Е.* Указ. соч. С. 20–21.

Автор описал первые контакты японцев и русских в конце XVII – первой половине XVIII в., которые произошли во время экспедиций И. Козыревского (1711–1713 гг.), И. Евреинова и Ф. Лужина (1719–1722 гг.), Первой Камчатской экспедиции (1725–1729 гг.), а также экспедиций А. Шестакова (1727–1730 гг.), М. Шпанберга и В. Вальтона (1733–1743 гг.). При этом К. Черевко отмечает немаловажное обстоятельство: эти экспедиции, впервые посетив южнокурильские острова Итуруп и Кунашир, Хабомаи и Шикотан, установили, что все острова как Большой, так и Малой Курильской гряды *неподвластны* Японии (в том числе Шикотан, названный тогда русскими Фигурным, а позднее переименованный в остров Шпанберга).

В 1767 г. русская экспедиция добралась до острова Итуруп и приняла в российское подданство всех его коренных жителей. Что же касается Японии, то в 1639 г. "указом о закрытой стране" была начата политика её строгой самоизоляции, запрещавшая выезд за пределы государства. Закон этот стал почти непреодолимым препятствием для изучения и освоения японцами территорий, лежащих к северу от Хоккайдо. На протяжении, по крайней мере, полутора веков посещения японцами Курильских островов и Сахалина носили случайный, эпизодический характер и, естественно, не сопровождались какими-либо формальными актами их присоединения. Это относится и к редким поездкам на Сахалин в рыболовный сезон (в 1650, 1669, 1689 и 1700 гг.) представителей клана Мацумаэ (юг Хоккайдо).

Автор утверждает, что хотя Курильские острова (Тисима) впервые были официально нанесены на карту Японии в 1700 г.³, однако изображены они были весьма приблизительно (все 39 островов обозначены в одном месте и совершенно не ориентированы по отношению друг к другу), поскольку основывались на сведениях, полученных от живших там айнов. В течение XVII и почти всего XVIII в. о Курильских островах и Сахалине в Японии было известно очень мало, а это значит, что о первенстве японцев в хозяйственном освоении упомянутых районов не могло быть и речи. Более того, в 1779 г. на острове Мацумаэ (ныне Хоккайдо) около 1,5 тыс. местных айнов стали подданными Российской империи⁴.

Исследуя проблему государственной принадлежности острова Сахалин, возникшую на Портсмутской мирной конференции 1905 г., К. Черевко предлагает интересный и более широкий подход к существовавшему между Россией и Японией территориальному размежеванию, который, на его взгляд, тесно связан с проблемой принадлежности Курильских островов. Напомним, что по Санкт-Петербургскому договору 1875 г. Южный Сахалин от 50° с.ш. стал полноправной территорией России в обмен на ряд Курильских островов, расположенных к северу от Итурупа. Поэтому, по мнению автора, "восстановление прав Японии на Южный Сахалин с точки зрения международного права подразумевало возвращение на повестку дня вопроса о принадлежности России гряды Курильских островов", поскольку имел место факт "нарушения двустороннего

³ Черевко К. Е. Указ. соч. С. 168.

⁴ Там же. С. 180–181.

Санкт-Петербургского договора 1875 г., по которому вновь приобретённые Японией в результате войны права на остров Сахалин были получены в своё время Россией в обмен на гряду Курильских островов (Средние и Северные Курилы)". Исходя из этого, логично было бы вернуть эти территории России "как компенсацию за утрату половины Сахалина, восстановив прежнюю ситуацию в территориальном размежевании между двумя странами". К. Черевко подчёркивает, что "фиксация уступки Японии Южного Сахалина в тексте Портсмутского мирного договора... сохранила за Россией право на возвращение Северных и Средних Курил, а также – вследствие отмены Симодского трактата 1855 г. – возобновление неопределённого статуса Южных Курил"⁵.

Анализируя проблему границ СССР/России с Японией в середине XX в., после окончания Второй мировой войны и в первый послевоенный период и вплоть до начала XXI в., автор приходит к следующим обоснованным выводам. Во-первых, "заключение мирного договора не обязательно для установления границы между государствами; примером тому является отсутствие такого договора с Германией после Второй мировой войны, а также с ФРГ, с которой у России также нет мирного договора". Во-вторых, "фиксация российско-японской границы по международным правилам, т.е. в соответствии с международным правом, в частности с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г., вытекает из признания Японией этой конвенции от 3 апреля 1987 г." Следовательно, "право России ссылаться на отказ Японии от всех Курильских островов по Сан-Францисскому мирному договору по ст. 36 Венской конвенции о праве международных договоров является неоспоримым", что, по мнению автора, означает одно – "северная граница Японии с Россией зафиксирована, хотя и не совсем обычным способом, но в строгом соответствии с международным правом"⁶.

С середины 50-х гг. прошлого века Токио стремится пересмотреть сложившуюся границу между РФ и Японией в районе Курильских островов, которые отошли к СССР после Второй мировой войны. В связи с этим представляет интерес вопрос об их картографировании в различные периоды. Автор подробно рассматривает его, привлекая исторические документы и карты, начиная со второй половины XVII в. При этом он отмечает, что в 1776 г., по данным российских землепроходцев, была составлена генеральная карта Иркутской губернии, на которой обозначены Иркутская, Якутская и Удинская провинции, а все Курильские острова от Камчатки до Хоккайдо включены в состав Российской империи⁷. В итоге автор приходит к следующему выводу: "Краткий обзор изображения Курильских островов в XVII–XX вв. на зарубежных картах позволяет сделать вывод о приоритете России в географо-картографическом изучении и хозяйственно-культурном освоении островов"⁸.

⁵ Черевко К. Е. Указ. соч. С. 324–326.

⁶ Там же. С. 349–350.

⁷ Там же. С. 356–357.

⁸ Там же. С. 368.

Историографический обзор проблемы взаимного территориального сближения и пограничного размежевания России и Японии в XVII–XX вв., предпринятый в монографии и охватывающий сотни отечественных и зарубежных источников, представляет собой весомый вклад в историко-политическую географию освоения Россией северо-восточной части Азиатско-Тихоокеанского региона.

Отдельная глава в книге К. Черевко посвящена проблемам территориального размежевания России и Китая в XVII–XXI вв. Автор доказывает несостоятельность китайской концепции "утраченных территорий" в отношении пограничных районов российского Дальнего Востока. В китайской историографии можно встретить претензии на остров Сахалин и Курильские острова, Приамурье, Приморье и Камчатку, которые китайские историки относят к разряду "утраченных". Причём в качестве "аргумента" в пользу перемещения границы Китая в низовья реки Амур используются археологические находки: стеклянные бусы, серьги, медные колокола и другие *предметы торговли* с местными племенами в VI–XIII вв., факт обнаружения которых на территории современной России китайские историки трактуют как сбор дани⁹. Другим "аргументом" в пользу принадлежности Нижнего Амура и Сахалина Китаю они, нисколько не смущаясь, называют походы монголов в эти районы, размещение там их сторожевых постов и вассальную зависимость населявших их нивхов. Между тем "период монгольского господства со сбором дани с аборигенов продолжался всего несколько лет – до 1320 г. [*с 1303 г.* – **Прим. авт.**], после чего монгольские войска из-за упорного сопротивления местных племён вынуждены были уйти с Сахалина и из бассейна реки Амур"¹⁰. После этого в XIV–XV вв. в этих районах, несмотря на формальное образование административного округа, реальной власти китайцы не имели. Автор отмечает, что "начиная с середины XV и до XVII в. представители администрации минского Китая [*т.е. в период правления династии Мин.* – **Прим. авт.**] вообще не появлялись не только на Сахалине, но и в нижнем течении реки Амур", а "эпизодические набеги маньчжуров [*в начале XVII в. по рекам Сунгари и Уссури к устью Амура, в 1617 г.* – *на Сахалин.* – **Прим. авт.**] с точки зрения международного права не имеют никакого отношения к "правооснованиям" Китая на Приамурье, Приморье (Уссурийский край) и Сахалин, поскольку целью набегов являлось не приобретение территорий, а их опустошение и захват пленных для пополнения своих войск"¹¹. Уже в 1652 г. нивхи с Сахалина давали отряду русских казаков в устье Амура "клятву на верность" России, а в 1655–1656 гг. местные жители из сёл Западного Сахалина вступили в русское подданство и начали платить натуральную подать¹².

Автор отвёл специальный раздел Нерчинскому договору 1689 г., поскольку даже после демаркации российско-китайской границы по рекам Амур и Уссури в соответствии с окончательным Соглашением между СССР

⁹ Черевко К. Е. Указ. соч. С. 378.

¹⁰ Там же. С. 378–379.

¹¹ Там же. С. 379.

¹² Там же. С. 381.

и КНР о советско-китайской государственной границе на её Восточной части (1991 г.) китайские политологи и историки (скорее всего, с согласия властей КНР) продолжают писать, что Россия должна признать свои территориальные "долги" Китаю. По мнению китайских авторов, расхождения между текстами Нерчинского договора несущественны, а вся граница была определена этим договором ясно, чётко и однозначно и установлена якобы по Становому хребту, тянущемуся на северо-восток по хребту Сунтар-Хаята и заканчивающемуся к северу от Камчатки. Следовательно, до заключения Пекинского договора, навязанного Китаю в 1860 г. "вопреки исторической справедливости", территория Поднебесной была на 1,5 млн кв. км больше, чем сегодня (и это не считая утраченных ею территорий Тувинской Республики и Монгольской Народной Республики общей площадью в 1540 тыс. кв. км)¹³. К. Черевко же напоминает, что "историческая" граница по Становому хребту до Камчатки была упомянута лишь в 1964 г. Мао Цзэдуном в его "счёте" по так и не предъявленному реестру требований о возврате Китаю его бывших обширных территорий.

Проблема Нерчинского договора сохраняет свою актуальность в связи с настойчивыми требованиями КНР изменить границы, несмотря на взаимный отказ от территориальных претензий по ст. 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР от 2001 г. Автор отмечает, что "в Китае по-прежнему отчётливо звучат голоса тех политиков и учёных, которые призывают о необходимости восстановить "историческую справедливость", отменив "насилованно навязанные Россией Китаю неравноправные договоры" середины XIX в., и ошибочно полагают, что пограничные географические ориентиры, упомянутые в первом русско-китайском договоре XVII в., означают вершины Станового хребта и его продолжения до Чукотского полуострова¹⁴. Кстати, из этого положения исходит и государственный Северо-Восточный проект (2002–2007 гг.) по изучению окраинных земель КНР за период с 1644 г.¹⁵

Вместе с тем К. Черевко высказывает по вопросу о территориальных претензиях КНР и весьма спорное утверждение, которое гласит, что "если бы Россия отказалась идти на уступки, то Китай возобновил бы претензии на 1,5 млн кв. км по реестру Мао Цзэдуна 1964 г., в соответствии с которым граница должна была быть восстановлена по Становому хребту (Внешнему Хингану) в его произвольном истолковании "по Нерчинскому договору 1690 г." как оканчивающемуся к северу от Камчатки"¹⁶. Но если и так, то уступки российской стороны ничего не изменили: хотя Россия всё-таки пошла на них, но даже после официального урегулирования последнего спорного вопроса о принадлежности островов в русле рек Амур и Аргунь в 2004 г. китайские историки и политики продолжают писать о территориальных долгах России Китаю¹⁷. (Напомним, что по Дополнительному соглашению между РФ и КНР о российско-

¹³ Черевко К. Е. Указ. соч. С. 416–418.

¹⁴ Там же. С. 420.

¹⁵ Там же. С. 420.

¹⁶ Там же. С. 423.

¹⁷ Там же. С. 423.

китайской государственной границе, подписанному после официального визита президента РФ В. Путина в КНР, за Россией осталась часть острова Большой Уссурийский у города Хабаровск, а КНР отошли часть этого острова, а также острова Тарабаров и Большой.)

Кроме того, русско-китайские договоры и соглашения о границе второй половины XIX в. (Пекинский договор 1860 г. и последующие Ханкайский протокол 1861 г. и Новокиевские протоколы 1886 г.) являются юридически полноценными документами и исчерпывающе описывают восточный участок российско-китайской границы.

Несомненный интерес представляют российско-японские отношения в пограничных с СССР районах Северо-Восточного Китая в 30-е гг. прошлого века, связанные с оккупацией Маньчжурии японскими войсками и вооружёнными конфликтами СССР с Японией и Маньчжоу-Го во второй половине 30-х гг., в том числе в районе озера Хасан в 1938 г. и на границе МНР и Маньчжоу-Го в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. В разделе, посвящённом этим событиям, автор допускает ряд фактических неточностей. Так, он утверждает, что граница по рекам Аргунь, Амур и Уссури была проведена вдоль китайского берега "вопреки нормам обычного международного права, в соответствии с которыми государственная граница на судоходных реках проводится по середине главного фарватера"¹⁸. Однако универсального международного права применительно к определению границ между соседними государствами по пограничным рекам, оформленного какой-либо международной конвенцией, не существует. После Парижской мирной конференции 1919 г. сопредельные страны, устанавливая границы по рекам, стали, как правило, указывать, что она проходит по середине русла несудоходной или по середине фарватера судоходной реки. Международной традицией, сформировавшейся после Первой мировой войны, определена только *целесообразность*, но отнюдь не *обязательность* проведения государственных границ по фарватеру. Заинтересованные стороны могут договориться и об ином способе определения линии конкретного прохождения границы. Пекинский договор 1860 г., который приобрёл силу закона для подписавших его сторон после его ратификации Китаем и Россией, установил иной порядок, а именно – в соответствии с картой, приложенной к Пекинскому дополнительному договору между Россией и Китаем 1860 г. Последующие изменения в области международного права (в данном случае – международной традиции), произошедшие в последние десятилетия, обратной силы не имеют, т.е. не должны в обязательном порядке распространяться на международные акты прошлого века и принудительно их изменять.

Не соответствует истине также утверждение автора о "расхождениях в описании границы между картой и текстом договора". Карта 1860 г., с оригиналом которой мне довелось ознакомиться 16 лет назад, не противоречит тексту Пекинского договора и не расходится с ним. Более того, она детализирует положения его ст. 1. Во втором абзаце этой статьи речь идёт уже о детализирующей карте, на которой "границная линия для

¹⁸ Черевко К. Е. Указ. соч. С. 460.

большей ясности [Вид. Б. Т.] обозначена красной чертой"¹⁹. И здесь сомнений в толковании смысла ст. 1 Пекинского договора быть не может. Коль скоро на карте по пограничной реке проведена красной тушью линия границы, то и идёт она именно по этой черте, а не по реке в целом. Тем более что на этой карте на Амуре обозначены основные острова.

Далее, вслед за заместителем главы советской делегации на переговорах с Китаем по пограничным вопросам Ю. Нешумовым, автор не критически повторяет следующее утверждение: "В начале 30-х гг. после захвата Маньчжурии Японией в связи с военной угрозой своей безопасности СССР в одностороннем порядке взял под свой контроль практически все острова и на реках Амур и Уссури, что явилось предпосылкой для пограничных инцидентов и усиления напряжённости в советско-японских отношениях"²⁰. Тем самым ответственность за вооружённые столкновения периода 30-х гг. на советско-маньчжурском участке государственной границы возлагается на нашу страну.

Однако надо иметь в виду, что, оккупировав Маньчжурию в 1931–1932 гг., Япония создала удобный плацдарм для нападения на СССР. В этой напряжённой обстановке советское правительство последовательно проводило осторожную политику и проявляло исключительную выдержку, стараясь не отвечать на провокации японской военщины и её марионеточного правительства Маньчжоу-Го на КВЖД, которые начались с момента оккупации Северо-Восточного Китая и усилились весной 1933 г. Более того, в марте 1935 г. СССР фактически за бесценок уступил КВЖД Маньчжоу-Го, чтобы хотя бы временно устранить один из опасных поводов для нападения японских милитаристов. Сомнительно, что в этот период (т.е. в первой половине 30-х гг.) Москва решилась бы захватывать острова по пограничным рекам фактически у Японии, только и искавшей повода для развязывания вооружённого конфликта с Советским Союзом в Маньчжурии.

Надо полагать, что именно в соответствии с красной делимитационной линией российско-китайской границы практически все острова на Амуре и Уссури, закреплённые за Россией в 1861 г., были после оккупации Маньчжурии японскими войсками в 1931–1932 гг. взяты под охрану пограничными войсками СССР. Эти действия советского руководства не являлись установлением границы на реках в одностороннем порядке, как утверждают Ю. Нешумов и другие участники переговоров о границе с Китаем (Г. Киреев, Ю. Архаров, Н. Голуб). Советское руководство действовало в строгом соответствии с упомянутой картой восточной границы между Россией и Китаем, приложенной к Пекинскому договору 1860 г. в качестве его составной части и, вне всякого сомнения, являющейся юридическим документом.

Заключительный раздел книги содержит материалы о разграничении акватории Берингова моря в соответствии с Соглашением между СССР и США о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 г.

¹⁹ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / изд. Мин-ва иностр. дел. СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1889. С. 160.

²⁰ Черевко К. Е. Указ. соч. С. 462.

Приводятся интересные и оригинальные материалы о русско-американских переговорах при заключении Договора 1867 г. об уступке Русской Америки Соединённым Штатам, а также материалы других исследователей, в частности В. Зиланова, посвящённые анализу упомянутого Соглашения 1990 г. При этом К. Черевко неоправданно уделяет слишком много внимания противопоставлению двух методов проведения разделительной линии морских экономических владений СССР и США в акватории Берингова моря по линии, обозначенной в русско-американской Конвенции 1867 г. и предложенной американской стороной на переговорах по разграничению 1981–1990 гг., – по локсодромии (предложение СССР) или по ортодромии (предложение США), в то время как объективно правильным, на наш взгляд, было бы разграничение по методу срединной линии между противоположащими участками сухопутных участков территорий обеих стран.

В целом исследование процесса формирования российской границы с Японией, Китаем и США позволяет прийти к выводу, что в настоящее время наша страна занимает правомерную позицию по вопросам пограничного размежевания с этими государствами.